

RU

Повесть Н. В. Гоголя «Шинель» и роман Лао Шэ «Рикша»: типологические параллели

Аmineва В. Р., Чэнь Чэнь

Аннотация. Цель исследования – выявить художественный потенциал повести Н. В. Гоголя «Шинель», который актуализируется в процессе ее литературно-художественной рецепции в романе Лао Шэ «Рикша». В статье проведен анализ произведений русского и китайского писателей в сопоставительном аспекте. В рамках исследования особенностей функционирования повести Н. В. Гоголя «Шинель» в писательской рецепции Лао Шэ было выявлено, что китайский писатель ориентируется на традиции русской литературы XIX в., продолжает и развивает на новом материале сложившиеся в творчестве Н. В. Гоголя принципы и приемы изображения «маленького человека». Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые выявлен тип диалогических отношений, который устанавливается между повестью «Шинель» и романом «Рикша»: «чужое» (иная словесно-художественная практика) перестает быть таковым, трансформируется в «свое», становясь одним из кодов в художественной системе произведения китайского писателя, без знания которого невозможна ее адекватная интерпретация. В результате исследования установлено, что сюжет романа «Рикша» строится по той же мифологической схеме, что и повесть Н. В. Гоголя. Повторяется многослойное напряжение сюжетного действия, обнаруживающего в реалистических, вполне конкретных социально-бытовых обстоятельствах жизни героя демоническую подоснову. Вместе с тем в романе китайского писателя усиливается принцип социального детерминизма, что подчеркивается в интерпретациях романа китайскими учеными.

EN

N. V. Gogol's novel "The Overcoat" and Lao She's novel "Rickshaw": typological parallels

V. R. Amineva, Chen Chen

Abstract. The purpose of the study is to identify the artistic potential of N. V. Gogol's novel "The Overcoat", which is actualized in the process of its literary and artistic reception in Lao She's novel "Rickshaw". The article analyzes the works of Russian and Chinese writers in a comparative aspect. As part of the study of the functioning of N. V. Gogol's novel "The Overcoat" in the writer's reception of Lao She, it was revealed that the Chinese writer focuses on the traditions of Russian literature of the 19th century, continues and develops on new material developed in the work of N. V. Gogol's principles and techniques of depicting the "little man". The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time it reveals the type of dialogical relations that is established between the novel "The Overcoat" and the novel "Rickshaw": "alien" (another verbal and artistic practice) ceases to be such, transforms into "one's own", becoming one of the codes in the artistic system of the work of the Chinese writer, without knowledge of which its adequate interpretation is impossible. As a result of the study, it was found that the plot of the novel "Rickshaw" is based on the same mythological scheme as the novella by N. V. Gogol. The multilayered tension of the plot action is repeated, revealing a demonic basis in the realistic, quite specific social and everyday circumstances of the hero's life. At the same time, the Chinese writer's novel reinforces the principle of social determinism, which is emphasized in the interpretations of the novel by Chinese scientists.

Введение

Активность русско-китайских литературных контактов – одна из особенностей межлитературного процесса XX–XXI вв. (Шанина, Казакова, 2023; Долгачев, Нестерова, 2021). Однако характер и природа внимания китайских писателей к русской литературе XIX в., подходы и ключи к прочтению как всей русской литературной

парадигмы, так и отдельных ее блоков и явлений в разное время китайской истории были различными по своему звучанию, культурному, эстетическому и психологическому значению. В истории этого русско-китайского литературного диалога особая, во многих отношениях исключительная роль принадлежит рецепции творчества Н. В. Гоголя, который, несмотря на смену политических стереотипов, социокультурных ориентиров, происходивших в Китае, литературного контекста, состояния критической мысли и эстетических предпочтений, остается в широком смысле востребованным писателем (Ли Аньци, 2020; 2021; Ван, 2023).

Уникальная личность Н. В. Гоголя, его гениальные творения, напряженные нравственные, философские, религиозные искания и творческие открытия находились и находятся в центре внимания мировой литературно-художественной и научно-критической мысли, и если говорить о зарубежной, то прежде всего европейской и американской. На этом фоне закономерности функционирования творчества Н. В. Гоголя на Востоке в целом и в Китае в частности – тема, значимая прежде всего своей обращенностью к дивергентным тенденциям межлитературного процесса, обусловленным глубокими различиями ментального характера двух культурных традиций – русской и китайской.

Исследование особенностей восприятия произведений Н. В. Гоголя китайскими прозаиками дает возможность понять, как изменяется художественный мир русского писателя, проходя через призму инонационального сознания, опирающегося на иные, во многом контрастные принципы художественного видения и изображения жизни, иные культурные ценности и коды. Таким образом, статья посвящена актуальной проблеме современной компаративистики – писательской рецепции повести Н. В. Гоголя «Шинель» классиком китайской литературы Лао Шэ (настоящее имя – Шу Шэюй) (1899-1966).

Исследователи не раз обращали внимание на сходство романа Лао Шэ «Рикша» (1936) с петербургскими повестями Н. В. Гоголя. Так, Д. С. Барашкова (2016), выявляя своеобразие трактовки образа «маленького человека» китайским писателем, обращает внимание на сходство образа главного героя романа с типом «маленького человека» в классической русской литературе в целом и в повестях Н. В. Гоголя в частности. Хэ Син проводит сравнительный анализ образа рикши в рассказе И. А. Бунина «Братья» и в романе Лао Шэ и определяет специфику художественных средств, используемых классиками русской и китайской литератур. Раскрывая социальный смысл произведений, исследователь констатирует: «Само явление повозки, запряжённой человеком, неодобительно оценивается как Буниным, так и Лао Шэ. Не завуалированная авторская позиция в рассказе «Братья» единожды проскальзывает в экспозиции... <...> В романе «Рикша» для обозначения двухколёсной повозки Лао Шэ избрал существительное “洋车” с оценочной коннотацией (“заморская повозка”, имеется в виду “повозка с восточного моря”, т. е. из Японии) вместо нейтрального “人力车” (“повозка, движимая человеческой силой”), чтобы подчеркнуть инородное происхождение данного явления – оно не является порождением самой китайской культуры и, безусловно, несёт в себе негативную окраску, учитывая то, что в годы написания романа (нач. 1930-х гг.) началась уже, по сути, японо-китайская война, временно ограничившаяся локальными столкновениями» (Хэ Син, 2017, с. 31).

Однако до сих пор не существует комплексных исследований, посвященных сопоставительному анализу образа «маленького человека» в творчестве Н. В. Гоголя и Лао Шэ, не определен тип диалогических отношений китайского писателя с классиками русской литературы, не выявлена роль петербургских повестей Н. В. Гоголя в генезисе художественной системы романа «Рикша», не рассмотрены процессы национально-культурной идентификации, проявившиеся в рецепции инонациональных литературно-художественных ценностей.

Исследование особенностей функционирования повести Н. В. Гоголя «Шинель» в писательской рецепции Лао Шэ предполагает решение следующих задач: во-первых, охарактеризовать сюжетно-композиционные особенности произведений русского и китайского писателей; во-вторых, сопоставить используемые ими принципы и приемы создания образа «маленького человека»; в-третьих, описать процессы национально-культурной идентичности и идентификации, проявившиеся в трактовке темы «маленького человека».

Материалом для исследования послужили произведения Н. В. Гоголя и Лао Шэ:

- Гоголь Н. В. Сочинения. М.: Книжная палата, 2000.
- Лао Шэ. Избранное. Сборник / пер. с кит. М.: Радуга, 1982.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области литературоведческой компаративистики (Дима, 1977; Дюришин, 1979; Тиме, 1996), новые подходы к исследованию национальной идентичности литературы, складывающиеся в рамках сопоставительного литературоведения, предметом которого является такая форма межлитературного процесса, как межлитературные диалоги (Аминева, Ибрагимов, Нагуманова и др., 2019), исследования, посвященные творчеству Н. В. Гоголя, в которых определяются закономерности построения художественного мира писателя, принципы его поэтики и стиля, проявившиеся в повести «Шинель» (Вайскопф, 2002; Ветловская, 1988; 1998; Гуковский, 1959; Манн, 1988; Маркович, 1989).

Ключевыми методами стали: сравнительный, благодаря которому были определены типологические сходства между повестью Н. В. Гоголя «Шинель» и романом Лао Шэ «Рикша»; сопоставительный метод, давший возможность выявить параметры национальной идентичности находящихся в диалоге литератур, методы герменевтики и рецептивной эстетики, позволившие выявить важнейшие особенности восприятия повести Н. В. Гоголя классиком китайской литературы, а также раскрыть скрытые и не проясняемые в иных контекстах смыслы сопоставляемых произведений.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее материалов в практике преподавания русской литературы китайским учащимся, при разработке и чтении курсов, посвященных вопросам сравнительного и сопоставительного исследования произведений, принадлежащих разным национальным литературам.

Обсуждение и результаты

Сюжеты обоих произведений строятся по сходной модели: «поиски – обретение – потеря». Эта мифологическая схема имеет в сопоставляемых произведениях различные образные репрезентации. В повести Н. В. Гоголя она проецируется на различные смысловые уровни, получая разную степень обобщения: от частной и наполненной реальными деталями и бытовыми подробностями истории приобретения бедным чиновником шинели до рассказа о романтической одержимости и самоотверженного служения любимой: «В его мире шинель – “вечная идея”, “подруга жизни”, “светлый гость” (каждая из этих формул прямо ведет в мир идеальных ценностей романтизма). А сам Башмачкин, совершающий подвиги самопожертвования, “нося в мыслях вечную идею будущей шинели”, мгновениями уподобляется “рыцарю бедному”, то есть опять-таки романтическому герою, служителю мечты» (Маркович, 1989, с. 82).

Сходными чертами наделяются и заботы героя романа Лао Шэ Сянцзы о приобретении своей коляски: «Своя коляска, своя судьба – все в своих руках! Он стал первоклассным рикшей, а это совсем непросто. День за днем, год за годом, – столько пота было пролито за эти четыре года, пока он заработал на коляску! Ради нее недоедал, трудился и в дождь, и в холод, терпел любые лишения. Коляска стала его наградой за все мучения и невзгоды, словно боевой орден за отвагу» (1982, с. 21). Таким образом, подобно Акакию Акакиевичу, сквозь повседневные труды с утра до ночи, материальные лишения и тяготы рикша Сянцзы прозревает высший метафизический образ, который воспринимается им в качестве небесной заступницы.

День, когда Акакий Акакиевич надевает новую шинель, – самый счастливый в его жизни. В новой шинели он чувствует себя другим человеком: «Между тем Акакий Акакиевич шел в самом праздничном расположении всех чувств. Он чувствовал всякий миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия. В самом деле, две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо» (Гоголь, 2000, с. 371). Окрашенные агиографической символикой мечты героя о новой шинели, аскетическое, сопровождаемое постом служение ей интерпретируются учеными как путь духовного восхождения – «от мертвых букв к “подруге жизни”» (Вайскопф, 2003, с. 191).

После трех лет упорного труда Сянцзы наконец-то купил новую коляску: «...потянул к себе коляску и чуть не расплакался от счастья. Заехав в укромное место, внимательно осмотрел покупку и полюбился на свое отражение в блестящем кузове. Коляска нравилась ему все больше и больше. И хотя она оказалась не совсем такой, о какой он мечтал, он простил ей все, потому что теперь это была его собственность» (Лао Шэ, 1982, с. 26). Сянцзы знал, что ему в этом году исполняется двадцать два года, но не помнил дня своего рождения, поэтому решил, что этот счастливый день, когда он купил новую коляску, станет днем его рождения, «днем рождения человека и коляски. Ведь коляска заработана его потом и кровью, она неотделима от него» (Лао Шэ, 1982, с. 26). Тождество человека и коляски оборачивается сродненностью героя с вымечтанной им вещью, которая приглашается к участию в его земном бытии: «Между Сянцзы и коляской установилось полное согласие. Когда он бежал по ровным немногочисленным улицам, он мог держаться только за одну оглобелку, и колеса сами с легким шумом катились позади, подгоняя его, словно попутный ветер» (Лао Шэ, 1982, с. 27).

Многослойное напряжение сюжетного действия, обусловленного в «Шинели» напластованием нескольких образных моделей (фольклорной, комически-трагической, барочно-аллегорической и христианско-филантропической) и тяготеющего то к бытовой сатире, то к демонологии, то к сентиментальному решению (Вайскопф, 2002, с. 433), отчасти повторяется и в романе «Рикша». Коляска, приобрести которую мечтает Сянцзы, как и шинель, имеет амбивалентный ценностный статус. С помощью коляски герой надеется обрести свободу и независимость, с одной стороны, с другой – она имеет значение и демонического соблазна, рокового искушения. Связь между разнонаправленными смыслами в повести Н. В. Гоголя осуществляется с помощью образа портного Петровича. В романе «Рикша» эту функцию выполняет жена Сянцзы Хуню, прямо называемая «ведьмой» и «чудовищем», из-за которой он потерял силу и здоровье: «Сянцзы знал, что женился на ведьме...» (Лао Шэ, 1982, с. 125); «Он больше не человек, он просто кусок мяса в пасти у чудовища, мышья у кошки в зубах» (Лао Шэ, 1982, с. 123). В демонический ряд с Хуню встает наложница господина Ся: герой замечает ее сходство с покойной женой, не одеждой и внешностью, а манерой и характером, чувствует исходящую от нее опасность. Соблазняя Сянцзы, она превращается в Хуню: «Неожиданно Сянцзы увидел перед собой Хуню, но молодую, прекрасную! Он остановился как вкопанный. Страх, осторожность – все исчезло, осталось лишь горячее, непреодолимое желание. Сянцзы потерял голову» (Лао Шэ, 1982, с. 168). Разыскивая Сяо Фуцзы, девушку, которую герой искренне полюбил, он входит в публичный дом и вновь видит там Хуню: «Пришел искать Сяо Фуцзы, а нашел Хуню, – буркнул он про себя. – Вот уж действительно встретился с дьяволом» (Лао Шэ, 1982, с. 181).

В повести Н. В. Гоголя универсально-метафизический план изображения включается в реалистическую, вполне бытовую картину мира. Сквозь конкретные, подчас уродливые формы, которые принимают человек и его жизнь, писатель проникает к вечным первоосновам, находит идеал и поэзию внутри «низкой» действительности: «Идеал, или, иначе говоря, поэзию, Гоголь открыл в том, что до него хоть и изображалось множество раз, но изображалось как лишенное идеала и поэзии, как низменное, противостоящее всему высокому. То есть и у Гоголя оно низменно и противостоит высокому, – что может быть пошлее облика и жизни титулярного советника Поприщина или титулярного советника Башмачкина! Но в то же время именно здесь, за этой пошлостью, Гоголь увидал ростки высокого» (Гуковский, 1959, с. 370). Лао Шэ открывает пошлость отрицаемого им уклада жизни, «низкая» действительность не содержит у него поэтического начала. Категории высокого

и низкого, духовного и вещного, трагического и комического утрачивают свойственную прозе Н. В. Гоголя подвижность и взаимопроницаемость, обнаруживая существующие между ними непреодолимые границы.

Лао Шэ изображает своего героя и события его жизни прежде всего в их локальной конкретности – социальной, культурно-исторической, психологической, бытовой. Роман «Рикша» вбирает в себя круг острых социальных проблем, внутренняя жизнь человека строго и последовательно детерминирована. Китайский писатель подчеркивает социальную обусловленность характера героя, его психики, всего строя чувств отдельной личности. Молодой, трудолюбивый юноша, полный сил и жизненной энергии, встает на путь духовной деградации, и писателя волнует вопрос: исключительна или обыкновенна история его жизни? Как замечает Хэ Син, «Лао Шэ наделяет своего героя говорящим именем “Сянцзы” (кит. – “祥子”, “сын доброго предзнаменования”), которое оборачивается горькой иронией в конце романа. Сянцзы, претерпев первый удар судьбы, получает прозвище “Верблюд” (“骆驼”), в котором заложена метафора его нравственной деградации и самоотожествления с безвольным существом» (2017, с. 30).

Как и герой Н. В. Гоголя, Сянцзы проходит через ряд испытаний. Прежде всего это ежедневный тяжелый труд, полное бесправие и беззащитность: «За каждую горсть риса рикша расплачивается потом и кровью, отдает последние силы за жалкие медяки...» (Лао Шэ, 1982, с. 103). Сянцзы дважды теряет нажитую таким трудом коляску, умирает его жена и неродившийся ребенок, кончает жизнь самоубийством Сяо Фуцзы, с которой герой связывал надежды на будущее. В первых главах романа Сянцзы – честный и добрый юноша, не боящийся трудностей и не имеющий свойственных многим рикшам дурных наклонностей. Он предан избранному им ремеслу и не изменяет своим жизненным принципам: верности слову, добросовестности, усердию. В конце романа Сянцзы меняется: «На сердце у него была тоска. Он больше ни во что не верил, ни на что не надеялся и готов был терпеть любые оскорбления. Лишь бы нажраться до отвала, а потом спать» (Лао Шэ, 1982, с. 182).

Китайские ученые акцентируют внимание на социальных факторах, мотивирующих духовное перерождение героя, как наиболее востребованных, отвечающих ценностным приоритетам китайского читателя и связанных с актуальными для китайского общества проблемами. Так, Чжан Цань утверждает: «...герой, не умея говорить о своих обидах, становится марионеткой в руках общества. В таком отчаянии его человечность уничтожается, и Сянцзы становится жертвой эпохи» (张灿, 2014, с. 14). Об этом же пишет и Тун Цзинтао: «...консерваторская городская культура неотвратимо изменила простого и доброго Сянцзы и разрушила его чистую человечность» (2022, с. 1069). Хэ Син констатирует: «Сквозь весь роман “Рикша” красной нитью проходит тема борьбы личности с социальной стихией: главный герой – крайне бедный, но полный надежд “сын доброго предзнаменования” – поначалу пытается одолеть безысходность, пороки и несправедливость в обществе путем претворения в жизнь нравственных идеалов – честности, трудолюбия и сострадания» (2017, с. 31). Исследовательская интерпретация «Рикши» Лао Шэ проясняет и контекст восприятия произведений Н. В. Гоголя, предопределяющий художественно-эстетические ориентиры китайских писателей.

Однако в романе «Рикша», как и в произведениях классиков русской литературы, действует принцип многогранной и разнокачественной обусловленности свойств, поведения и судьбы героев. Важную роль в мотивировочной системе произведения играет категория судьбы, понимаемая и как независимое от человека стечение обстоятельств, определяющих круг его жизненных возможностей, и как некая высшая сила, которая повелевает счастьем и несчастьем людей по своей непостижимой для человека логике. Но судьба завершает лишь то, что человек сам приводит в действие: «Сянцзы не умел разрешать свои трудности постепенно – на это не хватало ума и терпения, а разрубить узел сразу не хватало мужества. Как всякое живое существо, он старался уйти от беды. Даже сверчок, лишившись больших ног, пытается уползти на маленьких. Однако Сянцзы не знал, куда ему ползти. Он лишь надеялся, что со временем все неприятности уладятся сами собой. Поэтому Сянцзы целиком положился на судьбу и перестал бороться» (Лао Шэ, 1982, с. 84).

Наконец, в самом Сянцзы было что-то, что способствовало произошедшей с ним метаморфозе. Например, рассказывая о том, как меняется жизнь людей во время войны, повествователь замечает: «Сянцзы волновала только его собственная жизнь; к тревогам и волнениям остальных он был безучастен» (Лао Шэ, 1982, с. 29). Желая побольше заработать, он идет на неоправданный риск и попадает в беду, решает жениться на ненавистной Хуню, чтобы на ее деньги купить коляску, затем упускает шанс спасти любимую женщину и оставляет ее в беде, обещая вернуться, когда все уладится. Таким образом, в жизненной неудаче Сянцзы можно обвинить его самого или социальные условия его бытия, определяющие то, в каких формах протекает жизнь героя, какие ценности он принимает, какими нравственными ориентирами руководствуется. Вместе с тем толчок падению дают другие силы и обстоятельства, которые кажутся роковыми и непреодолимыми, сопротивление им заведомо превышает возможности героя.

Через весь роман проходит сопоставление человека и дерева: «И действительно Сянцзы походил на дерево, могучее и молчаливое» (Лао Шэ, 1982, с. 23); «Он походил на дерево после бури: израненное, но все еще могучее, недвижно стоит оно под лучами солнца, и ни один листок на нем не шелухнется» (Лао Шэ, 1982, с. 163). В финале романа герой отождествляется с собакой: «Глядя, как тощая, с торчащими ребрами собака сидит около продавца бататов и дожидается, когда ей что-нибудь кинут, Сянцзы думал, что и сам он, как эта собака, мечтает только о том, как бы набить себе брюхо. Нет, лучше не думать! Жить кое-как, и все! И ни о чем не думать...» (Лао Шэ, 1982, с. 182). Сама возможность сближения персонажа с деревом и собакой связана с их одноприродностью и устанавливающимися между ними взаимно-однозначными соответствиями. В начале романа природа героя характеризуется устойчивостью, укорененностью, постоянством, структурностью. В конце романа герой теряет свою субъектность, и собака становится символом безволия и раболепия.

Лао Шэ, продолжая традиции Н. В. Гоголя, сопрягает реальности разного порядка – от бытовых до трансцендентных. Разнокачественные и разномасштабные детерминанты объединяются в символическом подтексте романа. В событиях обыденной жизни, в привычных условиях и ситуациях просматриваются глубинные универсальные смыслы, в индивидуальном, социально-типовом, эпохальном – общечеловеческое и вечное.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Целостные китайские традиционные концепции наряду с общественно-политическими и социокультурными факторами формируют контекст восприятия произведений Н. В. Гоголя, предопределяющий ориентиры китайских писателей, их подход к усвоению концептов русской литературы, проявившихся в творчестве Н. В. Гоголя. Характер и закономерности восприятия произведений Гоголя Лао Шэ обусловлены прежде всего тем, что эстетические принципы классика русской литературы (в частности, принцип критического отношения во всему, что не соответствует идеалам целостности и духовности) коррелируют с идейно-эстетическими установками китайского писателя.

Образные, мотивные, тематические переключки в романе «Рикша» с повестью «Шинель» свидетельствуют о концептуализации в китайском художественном сознании сложившихся в творчестве русского писателя принципов и приемов художественного изображения «маленького человека» и его трагической судьбы.

Сопоставительный анализ повести Н. В. Гоголя «Шинель» и романа «Рикша» Лао Шэ в аспекте функционирования в них топоса «маленького человека» выявляет универсальные и архетипические значения в произведении классика русской литературы, которые оказались востребованными в инациональной рецепции.

Перспективой дальнейшего исследования заявленной проблематики может стать анализ особенностей функционирования произведений Н. В. Гоголя в рецепции других китайских писателей.

Источники | References

1. Аминова В. Р., Ибрагимов М. И., Нагуманова Э. Ф., Хабибуллина А. З. Сопоставительная поэтика русской и татарской литератур: коллективная монография / науч. ред. В. Р. Аминова. Казань: РИЦ «Школа», 2019.
2. Барашкова Д. С. Мир «маленького человека» в творчестве Лао Шэ (на примере романа «Рикша») // *Studia Humanitatis*. 2016. № 3.
3. Вайскопф М. Птица тройка и колесница души: работы 1978–2003 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
4. Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. Контекст. Изд-е 2-е, испр. и расшир. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002.
5. Ван Ч. Гоголевские аллюзии в повести Чжана Тяньи «Записки из мира духов» // *Современное педагогическое образование*. 2023. № 7.
6. Ветловская В. Е. Повесть Гоголя «Шинель»: трансформация пушкинских мотивов // *Русская литература*. 1988. № 4.
7. Ветловская В. Е. Трагедия шинели // *Русская литература*. 1998. № 3.
8. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М. – Л.: Гос. изд-во художеств. лит., 1959.
9. Дима А. Принципы сравнительного литературоведения / пер. с румын. и коммент. М. В. Фридмана; предисл. В. И. Кулешова. М.: Прогресс, 1977.
10. Долгачев Ф. Л., Нестерова О. А. Рецепция российской художественной литературы в современном цифровом пространстве КНР // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2021. Т. 23. № 3.
11. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы / пер. со словац. М.: Прогресс, 1979.
12. Ли Аньци. Образ сумасшедшего в творчестве Н. В. Гоголя и Лу Синя // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2020. № 3.
13. Ли Аньци. Рецепция творческого наследия Н. В. Гоголя в Китае: дисс. ... к. филол. н. М., 2021.
14. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Изд-е 2-е, доп. М.: Худож. лит., 1988.
15. Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л.: Худож. лит., 1989.
16. Тиме Г. А. О некоторых тенденциях современной компаративистики (теоретические и практические аспекты) // *Россия, Запад, Восток: встречные течения: к 100-летию со дня рожд. акад. М. П. Алексева* / отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб.: Наука, 1996.
17. Тун Цзинтао. Страдание в романах Лао Шэ «Рикша» и Юй Хуа «Жить» // *Глобальные вызовы в меняющемся мире: тенденции и перспективы развития социально-гуманитарного знания: 6-й молодежный конвент УрФУ: материалы междунар. конф. (г. Екатеринбург, 24–26 марта 2022 г.)*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022.
18. Хэ Син. Образ рикши в рассказе И. А. Бунина «Братья» и романе Лао Шэ «Рикша» // *Вестник Литературного института им. А. М. Горького*. 2017. № 2.
19. Шанина Ю. А., Казакова Э. Ф. Традиции русской и советской культуры в повести Лу Яо «Судьба» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. Вып. 10.
20. 张灿. 探究名著导读《骆驼祥子》的悲剧之因 // *考试周刊*. 2014. № 14 (Чжан Ц. Исследование трагических причин знаменитой книги «Рикша» // *Exam Weekly*. 2014. № 14).

Информация об авторах | Author information

RU

Аmineва Венера Рудалевна¹, д. филол. н., доц.
Чэнь Чэнь²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

² ООО «Джанхенг РУС», г. Набережные Челны

EN

Venera Rudalevna Amineva¹, Dr
Chen Chen²

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

² Janheng RUS LLC, Naberezhnye Chelny

¹ amineva1000@list.ru, ² cc931004@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.06.2024; опубликовано online (published online): 22.07.2024.

Ключевые слова (keywords): русская литература XIX в; китайская литература XX в; традиция; тип «маленького человека»; сюжет; принцип детерминизма; Russian literature of the 19th century; Chinese literature of the 20th century; tradition; type of "little man"; plot; principle of determinism.